

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА КАРЕЛЬСКОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ В СВЯЗИ С НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКОЙ

Н. А. Пеллинен

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Поступила в редакцию 29 октября 2009 г.

Аннотация: *представлен взгляд на некоторые специфические черты языка карельской колыбельной песни через призму народной педагогики. Обращено внимание на использование метафор, конструкций с существительными в транслативе, синонимов глагола tuuvittua 'баюкать', демунивативных форм во взаимосвязи с манерой воспитания в карельской семье. Затронут вопрос об отражении синкретического типа мышления в языке карельских колыбельных песен.*

Ключевые слова: *карельские колыбельные песни, карельский язык, культура, народная педагогика, язык фольклора.*

Abstract: *the paper presents a view on some specific features of Karelian lullaby language in connection with folk pedagogy. The focus is on usage of metaphors, structures with nouns in the translative, synonyms of the verb tuuvittua (to lull), diminutive forms in relation to the manner of upbringing in Karelian family. The question about the mythological type of thinking in Karelian lullaby language is also covered.*

Key words: *Karelian lullabies, Karelian language, culture, folk pedagogy, language of folklore.*

Специальных исследований языка карельской колыбельной песни отечественными учеными не проводилось. Однако такого рода работа представляется важной и интересной не только с точки зрения лингвистики, фольклористики, но и с точки зрения постижения основ народной педагогики, раскрытия потенциала института семьи.

В различного рода изысканиях, посвященных исследованию прибалтийско-финских народов, их языка и фольклора, а также истории их развития, можно встретить некоторые мысли и идеи относительно колыбельных песен, их стилистических особенностей, построения и др. Так, в статье основоположника изучения карельского фольклора В. Я. Евсеева «Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов» (1962 г.) затронуты мотивы, встречающиеся в байке, а также раскрыты некоторые характерные стилистические черты ее построения. Жанры детского фольклора карел, в том числе и колыбельная песня, обзорно представлены в хрестоматиях, составленных известными исследователями карельского фольклора – Н. А. Лавонен [1] и А. С. Степановой [2]. «Толковый словарь карельских причитаний» (2004 г.), подготовленный также А. С. Степановой [3], оказывает бесценную помощь при исследовании особенностей языка карельской колыбельной песни, поскольку колыбельная песня как часть карельского фольклора вообще перекликается с другими его жанрами, в частности плачами. Некоторые интереснейшие идеи о взаимосвязи языка колыбельной

песни с народной педагогикой можно почерпнуть из книги О. П. Илюхи «Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в.» [4].

В процессе работы по исследованию языка карельских колыбельных песен, их стилистических особенностей мы обратились и к другим работам лингвистического, этнографического и фольклорного характера, как, например, «Nyksuomen lauseoppi» (Синтаксис современного финского языка) [5], «Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja» (Происхождение слов финского языка. Этимологический словарь) [6], а также к исследованиям П. М. Зайкова [7], И. Ю. Винокуровой [8], У. С. Конки [9], Н. А. Криничной [10], О. Э. Горшковой [11], исследователей русского фольклора В. Я. Проппа [12], В. П. Аникина [13], С. М. Лойтер [14]. Важными для осмысления проблем изучения особенностей языка устного народного творчества оказались статьи А. П. Евгеньевой [15], И. А. Оссовецкого [16], А. А. Потебни [17], З. К. Тарланова [18].

К сожалению, колыбельные песни, как и другие жанры карельского фольклора, уходят из повседневного обихода, в чем нам пришлось убедиться во время самостоятельно организованных экспедиций по сбору баек. И хотя колыбельные песни на карельском языке в их живом звучании встретить уже трудно, нам удалось их лично записать от нескольких информантов преклонного возраста в деревнях северной Карелии, что дало возможность при исследовании активно опираться именно на данный материал. Конечно, при проведении исследования использовались тексты карельских колыбельных песен, за-

писанные финскими, карельскими и русскими исследователями XIX–XX вв., образцы речи, сборники, компакт-диски, изданные фондом Juminkeko (Финляндия), которые содержали записи образцов фольклора, в том числе колыбельных песен.

В данной статье язык карельских колыбельных песен рассмотрен через призму народной педагогики. Что же вообще понимается под языком фольклора? Как в языке художественной письменной литературы, так и в языке устного народного творчества различают две стороны, неразрывно связанные между собой: 1) сторону грамматическую и лексическую и 2) сторону выразительную, художественную, представляющую собой нарочитое использование тех или иных языковых явлений [15, с. 7]. По словам И. А. Оссовецкого, автор произведения устной поэзии, реализуя в языке свой творческий замысел, в первую очередь, широко пользуется богатейшим фондом выразительных средств языка устной поэзии, выбирая то, что наиболее соответствует в данный момент его настроению. Такое творчество выливается в создание нового варианта, в котором сходства с другим вариантом больше, чем различия [16, с. 93–112]. Исследователи языка фольклора особое внимание уделяют также вопросу отношения произведений фольклора к диалектам, на которых эти произведения бытуют. Существуют различные школы лингвофольклористики, среди которых особым авторитетом пользуется петрозаводская школа во главе с З. К. Тарлановым.

При первом, даже беглом, соприкосновении с детским фольклором возникает мысль, что они являются настоящим оплотом народной педагогики, в котором имеется значительный арсенал знаний для пестования и воспитания ребенка в каждый из этапов его развития; первую же ступень в этом жанровом разнообразии составляют именно колыбельные песни. В колыбельной песне ребенок – тот центр, вокруг и для которого все происходит [14, с. 21].

Нежность языка карельской колыбельной песни, на наш взгляд, проистекает из манеры воспитания карельских детей. Многочисленные фразеологизмы и формулы обращения к малышам показывают, что ласка, доброта, снисходительность были в основе воспитания младших детей. О. П. Илюха в своем исследовании «Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в.», ссылаясь на источники, сообщает, что такая мера взыскания за вину, как побои, даже в отношении старших детей в карельских семьях употреблялась чрезвычайно редко; это могло произойти только при самом сильном гневе, которого карелы, благодаря своему спокойному характеру, умели избегать [4, с. 74]. Сказанное подтверждается большим количеством ме-

тафор, используемых в колыбельной песне при обращении к ребенку. Малыш в карельской байке – это «ainoi lapsi» (единственный ребенок), «alli» (утка-морянка), «kuldane» (золотце), «lapsi» (ребенок), «lempilintuni» (любимая птичка), «linnunpoika» (птенец), «lintuni» (птичка), «maksazeni» (моя печеночка). В плачах под метафорой «maksazeni» понимается ребенок [3, с. 75], «nurmilintu» (луговая птица), «raikkariä» (повязанная платком голова), «rieni» (маленький), «rienoikkaini» (малыш), run'u, run'uste (ласковое обращение к малышу; обозначает что-либо маленькое, мелкое [2, с. 86]), «tukkariä» (волосая голова), «uvelmoine» (росточек), «vakahaini» (находящийся в коробе – до шестинедельного возраста ребенок у карел спал в коробе из дранки), «vakavaini» (спокойный), «väistärikki» (трясогузка) и др. Известная исследовательница языка карельских плачей У. С. Конкка отмечает, что исходной позицией образования метафорических замен является наиболее древняя и глубокая кровнородственная связь: мать – дитя [9, с. 22]. Не вызывает сомнений, что данный принцип лежит также и в основе колыбельной песни. Как свидетельствуют примеры, значительную часть метафор колыбельных песен составляет так называемая «птичья» лексика. По мнению этнолога И. Ю. Винокуровой, связь птиц с небом и близость их к Богу способствовала развитию представлений о них как о чистых, хрупких и беспомощных созданиях. Этим птицы походят на детей [8, с. 49–58].

Интересно, что в языке карельских плачей такие метафоры и производные от них, как «alli» (морянка), «lintu» (птица), «sorsa» (утка) и другие, применимы лишь при обращении к дочери; к сыну же обращались со словами «kukko» (петух), «kazl'a» (камышинка), «omena» (яблоко) и др. [3, с. 33, 35]. Причем отметим, что использование метафор второй группы в колыбельных песнях особого распространения не получило. Нам удалось обнаружить всего один текст с метафорами «kultani omenani» (мое золотое яблоко) и «horijani sauvan varsi» (себребряная трость), последняя, как нам кажется, может символизировать опору в старости. Тем не менее полагаем, что в древних колыбельных песнях метафоры, обозначающие сына, были более распространены. Возникновение первых баек связывают с периодом средневековья [1, с. 143]; представляется вероятным, что за время развития колыбельных песен в их языке произошли определенные изменения.

В колыбельных песнях, как можно наблюдать по метафорам, вообще не сохранилось деления детей по гендерному принципу, хотя существуют колыбельные, в которых речь идет конкретно о сыне или дочери:

Onnen on <i>tyttö</i> ensimmäini: kaikki kankahat kutouve...	Счастье, когда первая <i>дочка</i> : спрядет она все ткани...
Tuuti, tuuti, <i>tyttölasta</i> , maksoit puolen <i>poikalasta</i> ! ...	Баю-баю, <i>детка-дочка</i> , половиночка <i>сыночка</i> !..

Итак, в приведенных выше примерах налицо социальный, но не языковой аспект уточнения пола ребенка. Если говорить о манере одевать карельских детей, то одежда как мальчиков, так и девочек нередко ограничивалась одной рубахой; лишь после достижения ребенком 6–7 лет в его внешнем виде, особенно одежде, закреплялись выраженные половые различия [4, с. 57]. Для женщины, укачивающей малыша, исполняющей колыбельную, полную любви и заботы о его будущем, неважно, мальчик это или девочка; язык колыбельной песни является, по существу, языком материнства. Хотя в некоторых колыбельных песнях можно встретить и прямые обращения, например:

Bai, bai, pikkaraiste <i>lapsuste</i> , l'uuli, l'uuli, <i>poigašte</i> ...	Бай-бай, маленького ребенка, люли-люли, <i>мальчика</i> ...
Vaiju, baiju, <i>tyttöstugo</i> , da baiju, baiju, pikkaraistu!..	Баю-баю, <i>девочку</i> , да баю-баю, маленькую!..

Можно предположить, что на месте прямых, выделенных в тексте, обращений изначально были соответствующие метафоры. Происшедшие замены в сфере средств выразительности языка колыбельных песен, по нашим наблюдениям, свойственны в большей степени южно-карельской традиции, которая, очевидно, была подвержена более сильному влиянию русской колыбельной песни.

Как полагают, в колыбельной песне ранее имя ребенка не произносилось, это было табу [19, с. 37–61]: опасались влияния злых духов. Между тем в колыбельных, записанных нами лично от сказительницы Сантры Ремшуевой (1914 г.р.), это правило уже перестало работать. Исполнительница часто заменяет слово «lapsi» (ребенок) именем своей внучки Иры, например:

Sivo <i>Iron</i> silmät kiini...	Завяжи глаза ты <i>Ире</i> ... (при обращении ко сну).
----------------------------------	---

В колыбельной песне няня (обычно это была бабушка) обращается ко сну с просьбой усыпить малыша, иногда в песнях выражаются пожелания счастливой доли ребенку в будущей взрослой жизни [2, с. 86]. Эти темы раскрываются и в языке колыбельной песни. Механизмы синкретического мышления, на наш взгляд, находят свое отражение в использовании глаголов «tuutie», «heiluo» (качать, баюкать) и других с определением в форме транслатива единственного числа (окончание -ksi, -kse). В грамматике карельского языка первым из основных значений транслатива является становление кем-нибудь, чем-

нибудь, переход в какое-нибудь состояние, положение, превращение во что-нибудь. Иногда транслатив используется и для обозначения результата действия (например: Poika kasvo suureksi ‘парень вырос’ [7, с. 41]). И в финском языке предикативное обстоятельство, примыкающее к непереходным глаголам, обозначающим изменение, переход в некое иное состояние, используется также в форме транслатива (например: Sää on muuttunut kirikkaammaksi ‘погода прояснилась’; jalka hierottiin terveeksi ‘ногу растерли до здорового состояния’ [5, с. 213]). Транслатив, благодаря кругу своих значений, в этом случае как нельзя лучше дает возможность передать чаяния и надежды матери. А согласно мифологическим представлениям об окружающем мире, слово – это и есть предмет, явление. Значит, мать, бабушка, выражая в колыбельной песне мечты о будущем ребенка, верит в их претворение в жизнь:

Tuuvn, tuuvn turvakseni, vuaruttelen vuarakseni. Tuuvn lasta tuomariksi, heilun herraksi hyväksi...	Качаю, качаю себе опору, убаюкиваю на свою старость. Качаю ребенка, чтобы стал судьей, баюкаю, чтоб был хорошим господином...
--	---

Думается, что мудрость и многогранность народной педагогики воплощаются и в большом количестве синонимов, обозначающих действие ‘баюкать’, ‘укачивать’. В имеющихся в нашем распоряжении текстах колыбельных песен встречаются такие глаголы, как: heiluttaa ‘качать, раскачивать’, keinuttaa ‘качать’, liekahuttaa ‘качнуть’, liikuttaa ‘качать’, magaittaa ‘давать спать’, raijutella ‘баюкать’, tuutie, tuuvittaa, tuututella ‘укачивать’, vuarutella ‘качать, покачивать’, uinottaa ‘усыплять’ и др. Конечно, нельзя отрицать, что подобное словесное многообразие обозначения действия ‘баюкать, укачивать’ развивалось благодаря правилам аллитерации, свойственной всему карельскому фольклору. Однако при анализе глаголов этой группы в глаза бросается их своеобразная «привязанность» к миру детства. Так, особо интересными представляются метафорические замены глагола uinottaa ‘усыплять’: например, при обращении ко сну просят: tule makuu tuanttamah ‘приди [будем] сон заманивать’, pane silmät lukkuseen ‘запри глаза на замок’, unisulka suuhe pane ‘положи в рот сонное перо’. Обращения, подобные этим, указывают на персонифицированный образ сна. Хороший воспитатель, безусловно, не будет заставлять малыша спать, а схитрит, сделает засыпание ребенка интересным, привлекательным для него.

Согласно Этимологическому словарю финского языка, глагол heiluttaa ‘качать, раскачивать’, производный от heilua ‘качаться’ (ср. также: heiluo, heilahtaa и др.), является дескриптивным. Авторы словаря

приводят вариант и из норвежского саамского 'hœi'lot', обладающего значением 'покачиваться на волнах, колыхаться' [6, с. 150]. Глагол voarottoa 'качать' (производный от vaarppua) предположительно является также дескриптивным, относящимся к группе глаголов varpista ('utista, täristä) – 'дрожать, трястись' [20, с. 385].

О. Э. Горшкова отмечает, что с уходом из семейного быта зыбок и люлек на полозьях детей продолжают усыплять пением, и в наши дни в качестве общего термина для обозначения колыбельной песни выступает существительное tuuti-, tuuvituslaulu [11, с. 143]. Вообще, в карельской фольклористике глагол tuuvittua считают общим для выражения действия 'баюкать', 'качать', 'колыхать' и др. Думается, что глагол tuutie (и производный от него tuuvittua) является дескриптивным (действительно, напоминает звук, слышимый при движении люльки). В. П. Аникин считает, что ритмика колыбельных песен соответствует покачиванию и скрипу подвешенной к очепу зыбки [13, с. 562]. Другое дело, что этот звук разными народами выражается по-разному.

Колыбельная интересна с точки зрения подачи сюжета, где, как уже было отмечено ранее, сон персонажируется. В одном из вариантов колыбельной песни он: uuhella ajauve 'на баране едет', kuokkasarvella kävelöy 'на рогатом идет' [2, с. 91]; ulkuota kyselöy 'с улицы спрашивает', alta akkunan anovi 'из-под окна вопрошает'. Думается, что эти детали добавляют конкретики в образ сна. Следует обратить внимание, что глаголы, описывающие действия сна, употреблены в настоящем времени. В. Я. Пропп, рассматривая язык русского героического эпоса, отмечает, что время выражает не только временные, но и пространственные отношения; при использовании рассказчиком настоящего времени слушатель *видит* происходящие события [12, с. 541]. Исследователи языка устного народного творчества часто предостерегают начинающих ученых видеть в фольклорных текстах только образность, поэтичность, не учитывая обычаев и особенностей мышления предков [17, с. 217]. З. К. Тарланов, говоря об особенностях фольклорного слова, отмечает, что его моносемантность причудливо совмещается с семантическим синкретизмом [18, с. 20].

Для колыбельных песен характерно использование деминутивных суффиксов, причем не только в отношении ребенка (vakavaini 'находящийся в коробе', lintuni 'птичка' и др.), но и при описании всего окружающего быта:

Tuohan unta tulleššaše,
vaškisella vakkasella,
kuparisella kupilla...

Принеси же сон с собою,
в медненькой корзиночке,
медненькой чашкой...

Самым распространенным деминутивным суффиксом у имен при обращении к ребенку выступает -(i)ni / -(i)ne (kuldane 'золотце', uvelmoine 'росточек'), реже встречается -kkaini, -kkäini / -kkaine, -kkäine (pieno**kkaini** 'малыш'). Суффиксы -hut, -hyt и -ut, -yt удалось зафиксировать лишь в нескольких случаях (lapsut 'ребеночек', pienut 'маленький'). У. С. Конкка использование нескольких суффиксов в пределах одной словоформы называет характерной чертой карельских плачей; например, к отглагольному существительному kantaja 'выносившая' (< kanta 'носить'; kantaja – это метафорическая замена матери) добавляется притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа -ni, а затем в слове появляется уменьшительно-ласкательное -se. В результате получается словоформа kantajaiseni, которую на русский язык следовало бы перевести как 'выносившая меня' с деминутивным значением, что подвергнуть переводу на русский язык достаточно сложно [9, с. 23]. В карельских колыбельных песнях встречаются метафоры, представленные формами с двумя последовательно стоящими суффиксами -(i)ni / -(i)ne и -ni / -ne, один из которых является уменьшительно-ласкательным, а другой – притяжательным (например, maksa-ze-ni 'моя печеночка'). Очевидно, что с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов взрослый выражает особое ласковое отношение к миру детства, в котором пребывает ребенок. Необходимо отметить, что притяжательные суффиксы в прибалтийско-финских языках – это постепенно уходящая из языка категория, на смену которой приходит аналитическая форма с притяжательным местоимением (ср. в финском языке: kirjani – minun kirja 'моя книга', lapsesi – sinun lapsi 'твой ребенок'), хотя северные диалекты карельского языка, по нашим наблюдениям, дольше «сопротивляются» общей тенденции. Язык карельских колыбельных песен неплохо сохранил категорию притяжательности; это – богатый материал для работы исследователей языка фольклора.

Исследователями отмечается, что в языке детского фольклора сохранились отголоски древних заговоров, имеющих охранную функцию. С. М. Лойтер указывает на некоторые реликтовые элементы в детских закличках (например, «Дождик, дождик, пуще!» «Дождик, дождик, припусти!») [14, с. 24–25]. Действительно, приказательно-императивные интонации колыбельных песен похожи на слова заговоров: «Ты спи, усни, // Угомон тебя возьми» [13, с. 559]. Что касается карельских колыбельных, то не вызывает сомнений их связь с заклинаниями как в сюжетном, так и языковом отношении. Приведенные ниже отрывки текста заговора (1) [11, с. 37] и колыбельной песни (2) наглядно это иллюстрируют:

1. Muarie, matala neiti,
ryhä piika pikkaraini,
tule tänne mejjän luokse
avuksena, armoksena,
voimaksena väjeksenä,
tuo apuo tullessase...	1. Мария, низкая дева,
святая дева маленькая,
приди сюда к нам
на помощь, на милость,
на избавление, на выздоровление,
принеси с собою помощь...
2. Tule tänne, uniukko,
uniakka, uniukko.
Tule sie, uniukko meilä...
...tuo unta tullessase...	2. Приди сюда, старик Сон,
старуха Сон, старик Сон.
Приди ты, старик Сон, к нам...
...принеси с собою сна...

Призыв к Деве Марии и Сну выражен формой глагола повелительного наклонения 2-го лица ед. числа (tule 'приди'). Отрывок заканчивается просьбой, также выраженной формой императива 2-го лица ед. числа; последняя строка обоих текстов отличается лишь определением (tuo *арю* tullessase 'принеси с собою *помощь*', tuo *унта* tullessase 'принеси с собою *сон*').

Язык колыбельных песен необычайно колоритен; он нежен, содержит различные обращения к ребенку, сохраняет достаточно древние формулы языкового и фольклорного характера, которые стали типичными для данного жанра. Вера в силу слова, способность его «опредмечивания» характерна для карельской традиционной культуры, как и вообще для мифологического типа мышления, где вещь и слово еще разделены неотчетливо [10, с. 165–172]. Интересно, что одна из наших информантов Х. А. Исакова рассказала, что детство у нее ассоциируется с образом бабушки, прячущей под свою пышную юбку многочисленных внучат, испугавшихся гнева отца. Этот образ, на наш взгляд, как нельзя лучше соотносится с охранной функцией колыбельной песни. Слово в ней – это тот инструмент, с помощью которого женщина пестует, воспитывает, оберегает ребенка, а также влияет на его будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. KRR – Karjalan rahvahan runoja – Карельский фольклор : хрестоматия / сост. Н. А. Лавонен. – Петрозаводск : Карелия, 1992 (на рус. и карел. яз).
2. Aukaisen sanaisen arkun – Песенный открою короб : хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Карельской АССР / сост. А. С. Степанова. – Петрозаводск : Карелия, 1991.
3. Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний / А. С. Степанова. – Петрозаводск : Периодика, 2004.
4. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. / О. П. Илюха. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2007.
5. Hakulinen Auli. Nykysuomen lauseoppia / Auli Hakulinen, Fred Karlsson // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 350. – Jyväskylä, 1979.
6. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Päätoimittaja: E. Itkonen (1 osa). – Helsinki, 1992–2000.
7. Зайков П. М. Грамматика карельского языка : фонетика и морфология / П. М. Зайков. – Петрозаводск : Периодика, 1999.
8. Винокурова И. Ю. Пернатое царство в мифологических представлениях вепсов / И. Ю. Винокурова // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск, 1998. – № 10.
9. Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи / У. С. Конкка. – Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 1992.
10. Криничная Н. А. Магия слова в карельских эпических песнях / Н. А. Криничная // Бубриховские чтения. Проблема исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии : сб. науч. статей. – Петрозаводск, 2005.
11. Горшкова О. Э. Kansan runous [Карельское устное народное творчество] / О. Э. Горшкова. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2002 (на фин. яз).
12. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – Изд. 2-е. – М. : ГИХЛ, 1958.
13. Аникин В. П. Русское народное творчество / В. П. Аникин. – М. : Высшая школа, 2001.
14. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология : исследования и тексты / С. М. Лойтер. – Петрозаводск : КГПУ, 2001.
15. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX вв. / А. П. Евгеньева. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1963.
16. Оссовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора / И. А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1952. – № 2.
17. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3.
18. Тарланов З. К. Русские пословицы. Синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : ПетрГУ, 1999.
19. Евсеев В. Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов / В. Я. Евсеев // Вопросы литературы и народного творчества. – Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1962. – Вып. 35.
20. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Päätoimittaja: U. M. Kulonen (2–3 osa). – Helsinki, 1992–2000.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Пеллинен Н. А., аспирант, стажер-исследователь
E-mail: nataliapellinen@mail.ru
nataliapellinen@gmail.com

Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Pellinen N. A., Post-graduate Student, Intern Researcher
E-mail: nataliapellinen@mail.ru
nataliapellinen@gmail.com